Florent Mouchard, La maison de Smolensk : Une dynastie princière du Moyen Âge russe, 1125-1404

Pavel V. Lukin

Édition électronique

URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/10145>

DOI : 10.4000/monderusse.10145

ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 1 octobre 2017

Pagination : 675-680

ISBN : 978-2-7132-2698-4

ISSN : 1252-6576

Référence électronique

Pavel V. Lukin, «Florent Mouchard, La maison de Smolensk : Une dynastie princière du Moyen Âge russe, 1125-1404», *Cahiers du monde russe* [Onлайн], 58/4 | 2017, Выложить онлайн 01 octobre 2017, Наводить справки в 08 janvier 2021. URL: <http://journals.openedition.org/monderusse/10145> ; DOI: <https://doi.org/10.4000/monderusse.10145>

Florent MOUCHARD

La maison de Smolensk

Une dynastie princière du Moyen Âge russe, 1125-1404

Paris : Institut d'études slaves, 2015, 306 p.

Книга Флорана Мушара посвящена теме, которую нельзя не признать весьма важной и актуальной. Об истории Смоленской земли эпохи Средневековья – одного из самых могущественных «центров силы» на Руси в эпоху так называемой раздробленности – написано не так много. И удивляться этому, как справедливо отмечает автор, не приходится. Действительно, реальная и сложная ситуация противоборства и взаимодействия в XII-XIII вв. нескольких политических образований, примерно равных по силам и потенциалу, плохо вписывается в распространённую схему «Киев-Владимир-Москва», канонизированную официальной идеологией единого Русского государства ещё в XVI в. Следует, впрочем, отметить, что Ф. Мушар в данном случае не является пионером и эта схема давно уже критикуется и отвергается многими учёными, в том числе и российскими¹.

Несколько сложнее обстоит дело с хронологическими рамками исследования. Как отметил в своём предисловии к книге П. Гонно, исследование Ф. Мушара «идёт по следам» монографий М. Димника, посвящённых черниговским Ольговичам. Однако здесь есть один нюанс. Если в Чернигове изначально правили потомки князя Святослава Ярославича, то ранняя история Смоленска более сложна. Конечно, автор вправе ограничиться историей династии, но его исследование при этом гораздо шире по масштабу (в книге рассматриваются, например, территориальная структура Смоленской земли, её внешняя политика и некоторые аспекты её политического строя). Краткая «предыстория» Смоленска (2-я половина XI – 1-я четверть XII вв.) вместе с очерком территориально-географического положения этого политического образования вставлена автором почему-то в текст первой главы, хотя уместнее было бы её дать в начале изложения. В свою очередь, и после присоединения Смоленска к Великому княжеству Литовскому в 1404 г., имела место попытка восстановления самостоятельности – в ходе восстания 1440 г. Тогда же в Смоленск местными жителями приглашались князья не из рода Ростиславичей: Андрей Дмитриевич Дорогобужский (из тверских князей) и Юрий Лугвеневи́ч (из литовских Гедиминовичей)². Это ставит, между прочим, вопрос о том, в какой мере власть Ростиславичей над Смоленской землёй носила именно династический характер и на чём строилась её легитимность, с точки зрения локальных элит и смолян в целом.

Сильной стороной работы Ф. Мушара является его подход к источникам, прежде всего, к их основной категории – летописям. Автор достаточно хорошо знает летописную текстологию, связанные с ней проблемы и соответствующую историографию. Он полностью отдаёт себе отчёт в том, что летописи – это сложные нарративные источники, работа с которыми требует тщательного предварительного источниковедческого анализа.

В этом смысле книга Ф. Мушара отличается в выгодную сторону от работ ряда его предшественников, и многие его выводы поэтому оказываются обоснованными и достоверными.

Хотелось бы, впрочем, не согласиться с некоторыми оценками автора и отметить определённые упущения. Ф. Мушар справедливо отмечает тот факт, что в Воскресенской летописи отразился южнорусский летописный источник, сходный с Киевским сводом в составе Ипатьевской летописи, но в некоторых случаях содержащий более подробные или уникальные сведения. Однако в ряде статей более раннего Московского летописного свода конца (МЛС) XV в. данный источник отразился полнее, и ссылки на Воскресенскую летопись оказываются избыточными³. При этом в дальнейшем исследователь в иногда ссылается на МЛС. Например, пишет о ключевых событиях 1212 г. со ссылкой на соответствующую статью МЛС как на «очень вероятно» древний источник. Между тем, уже А.Н. Насонов очень давно достаточно убедительно определил происхождение этого источника – владимирский свод Юрия Всеволодича⁴. Вряд ли стоит разделять надежду автора на то, что официальная московская Никоновская летопись XVI в. может быть полезной для изучения истории Смоленска в XII-XIV вв. Какие-то ранние тексты там, возможно, были использованы, но они перемешаны с поздними дополнениями, часто носящими идеологически ангажированный характер, и отделить одно от другого весьма сложно. С другой стороны, существуют данные о том, что достаточно ранние смоленские материалы были использованы в «Истории Польши» Яна Длугоша, и эти свидетельства можно было бы специально рассмотреть в источниковедческом плане⁵. Не вполне точно, на наш взгляд, автор представляет себе соотношение между текстами Ипатьевской и Лаврентьевской летописей за XII в. По мнению Ф. Мушара, статьи Лаврентьевской летописи, хронологически соответствующие времени правления Ростислава Мстиславича в Смоленске, представляют собой анналы владими́ро-суздальских князей Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского и являются поэтому «уникальной, очень древней» рукописью, пользующейся «неоспоримым авторитетом среди специалистов». Однако, на самом деле, в Лаврентьевской летописи был использован южнорусский (киевский) источник в сокращении по сравнению с вариантом Ипатьевской летописи, но в более ранней редакции (без более поздних дополнений, читающихся в Ипатьевской летописи)⁶. На практике это означает, что в случае расхождения между Лаврентьевской и Ипатьевской летописями, первой не должно отдаваться предпочтение, а реконструкция событий должна осуществляться на основе тщательного сопоставления обеих летописей (с привлечением, естественно, по возможности, других источников). Что интересно, при изложении политической истории автор так и делает, по сути дела игнорируя оценки, сделанные им в источниковедческом разделе.

Ф. Мушар справедливо старается опираться на документальные источники, к сожалению, весьма немногочисленные, акцентируя внимание на таком уникальном памятнике, как Уставная грамота Ростислава Мстиславича

Смоленской епископии. В то же время он, пожалуй, недооценивает значение такого памятника, как житие Авраамия Смоленского. Это, безусловно, агиографический текст, но, несмотря на церковную риторику, достаточно достоверный. Житие было, по-видимому, написано сразу после смерти святого и является одним из очень немногих аутентичных смоленских памятников первой половины XIII в. При этом житие Авраамия содержит разнообразную и очень ценную информацию о политико-правовом строе Смоленской земли, которую вряд ли стоит игнорировать⁷.

Первая глава посвящена основателю смоленской ветви Рюриковичей – Ростиславу Мстиславичу. Подробно рассматривается образ Ростислава в Киевском своде в составе Ипатьевской летописи, где этот князь выступает в качестве однозначно положительного героя. Автор справедливо связывает эту апологику с редактированием летописи в княжение сына Ростислава – Рюрика (хотя нет оснований исключать, что подобная редакция могла осуществляться и ранее, при самом Ростиславе). Последовательно и адекватно источникам излагаются события княжения Ростислава в Смоленске и Киеве, характеризуются отношения с другими князьями. Отдельно хотелось бы отметить раздел о церковном строительстве Ростислава в Смоленске, в котором делается обоснованный вывод об особом интересе не только Ростислава, но и других Мстиславичей к культу свв. Бориса и Глеба. Говоря о «политическом горизонте» Ростислава, Ф. Мушар пишет преимущественно о Киеве и Новгороде. В последнее время появились данные о том, что интересы этого князя простирались вплоть до Владимира-на-Клязьме: согласно достаточно хорошо обоснованной интерпретации, княжеский знак на Золотых воротах во Владимире принадлежал именно Ростиславу⁸.

Во второй главе представлен тщательный анализ жизненных путей и политики сыновей Ростислава, точнее четырёх младших, Романа, Рюрика, Давыда и Мстислава (старший сын, Святослав, княживший в Новгороде, умер довольно рано), а также его внуков. Сыновья Ростислава были яркими деятелями, что подтверждается не только панегириками воспевавших Ростиславичей авторов соответствующих статей Киевского свода в составе Ипатьевской летописи, но и свидетельством независимого от этой традиции «Слова о полку Игореве», в котором воспеваются Рюрик и Давыд и их храбрая дружина, рыкающая «аки туры»⁹. В центре авторского внимания (помимо традиционного изложения политических событий) – формирование династической идеологии в Смоленске, и надо признать, что на основании анализа Киевского свода Ф. Мушару удалось достаточно убедительно показать её формирование при Ростиславичах. Ядром её были своеобразные «неофициальные» культы Ростислава Мстиславича и его отца – Мстислава Великого.

Хотелось бы поспорить со скептической оценкой, которую высказывает Ф. Мушар относительно самостоятельной активности смоленских горожан, сводя политическую борьбу в Смоленске и вокруг него к династическому фактору. Между тем эта активность фиксируется в разных летописных

традициях: южнорусской, северо-восточной, новгородской. Терминология источников также говорит об этом. Например, новгородский владычный летописец говорит не просто о «бунте» в Смоленске в 1187 г., а о раздоре между князем и «смолянами», которые представлены как равноправные стороны конфликта¹⁰. Вряд ли могут быть сомнения в том, что новгородский летописец вкладывал в понятие «смоляне» примерно то же содержание, что и в понятие «новгородцы» – т.е. нечто вроде «политического народа» во главе со знатью («лучшими мужами»). Что касается вече, то, помимо современных и прямых свидетельств Лаврентьевской летописи под 1175 г. (которое автор по неизвестным причинам считает не заслуживающим внимания) и Ипатьевской летописи под 1185 г. (Ф. Мушар, говоря о нём, почему-то не отмечает, что там упомянуто вече, созванное самими смолянами: «почаша вѣче дѣяти»), имеются бесспорные подтверждения функционирования городского собрания в Смоленске в более позднее время – в XV в.¹¹ Нет, разумеется, причин считать, что это была какая-то новация. Причина того, что мы мало знаем о политической активности смолян в более раннее время, состоит, очевидно, не в её отсутствии, а во фрагментарности источников. Хотя автор, конечно, прав в том отношении, что её нельзя автоматически моделировать по новгородскому образцу: Смоленск, в отличие от Новгорода и Пскова не был республикой, а вече так и осталось там собранием *ad hoc* и не превратилось в политический институт.

Третья глава, посвящённая внешней политике смоленских князей домонгольского времени, стоит как бы особняком. Она в значительной степени написана на основе документальных источников, и автор демонстрирует хорошее знакомство с ними. Применительно к договорам Смоленска с Ригой и Готландом хотелось бы обратить его внимание на работы П.В. Петрухина, посвящённые спорным вопросам языка и текстологии этих грамот. Принципиально подтверждая концепцию В.А. Кучкина, сформулированную им ещё в 1966 г., и опровергая новейшие попытки «упростить» его схему, Петрухин внес в неё определённые коррективы и подкрепил её новыми аргументами. В частности, оказывается доказанным наличие средненижнемецкого оригинала у готландской редакции договора и более позднее происхождение последней по сравнению с рижской¹². Анализируя балтийскую политику смоленских князей, автор удачно использует данные «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского, сопоставляя их с летописными сведениями. Это позволяет ему прийти, в частности, к интересным выводам о характере взаимоотношений между Смоленском и Полоцком в первой трети XIII в. и о постепенном подчинении первым второго.

В четвёртой и пятой главах речь идёт о непростом положении, в котором оказалось Смоленское княжество после монгольского нашествия, испытывая давление со стороны Орды, Великого княжества Литовского, а потом и усиливающейся Москвы. Главная задача, которую ставит перед собой автор – избежать того, что он называет «телеологическим» подходом к истории Смоленска этого периода, основоположником которого он

считает П.В. Голубовского. Суть этого подхода состоит в представлении о предопределённости сближения Смоленска с Великим княжеством Владимирским (впоследствии Московским). Другой вариант того же подхода (также критикуемый Ф. Мушаром) – рассмотрение перипетий смоленской истории исключительно в контексте становления Великого княжества Литовского. Надо признать, что в целом задача преодоления «телеологического» подхода автору удалась. Мы видим, как смоленским князьям с переменным успехом в течение долгого времени удавалось балансировать между соседними великими державами и проводить достаточно самостоятельную политику. В то же время Ф. Мушар отнюдь не недооценивает тех сложностей, которые испытывали смоленские князья и которых они, в конечном счёте, не сумели преодолеть (в частности, подробно характеризуется «промосковский» политический курс брянской ветви смоленских князей). Уделяет внимание автор и ордынскому фактору, иногда, впрочем, даже несколько его преувеличивая. Декларативным выглядит утверждение (со ссылкой на неоднократно критиковавшиеся построения Д. Островского) о заимствовании Москвой различных институтов из Орды. Также нет оснований подозревать князя Ярослава Всеволодича владимирского и его сына Александра Невского в сознательном сотрудничестве с монголами.¹³

Автор заканчивает основную часть своего повествования на мажорной ноте: несмотря на присоединение Смоленска к Литве и утрату им самостоятельности, смоляне были «удовлетворены» привилеем, который им выдал Витовт. Однако этот документ не сохранился, и есть основания предполагать, что его вообще не существовало, а первый привилей был выдан Смоленску, скорее всего, в 1447 г. великим князем Казимиром в совсем иной ситуации – после восстания 1440 г.¹⁴

Достаточно серьёзным недостатком книги является то, что в ряде мест она представляет собой то, что выдающийся историк – предшественник и соотечественник Ф. Мушара – назвал *l'Histoire historisante*¹⁵. Автор довольно часто сбивается на пересказ своих основных источников – летописей, и не всегда понятно, что конкретно нового он при этом вносит в изучение своей темы. Некоторые выводы поэтому выглядят банальными (например, рассуждения во 2-й главе о том, что «геометрия» союзов, которые заключали Ростиславичи, видоизменялась, и отказывались они от них из прагматических соображений, применимы ко всем могущественным князьям эпохи «фрагментации», например, галицким или суздальским). И всё же общий вектор исследования не теряется – это стремление излагать историю Смоленского княжества как бы «изнутри», из собственно смоленской перспективы, а не с точки зрения глобальных замыслов держав, которые боролись за власть над Смоленском. Этот свежий и совершенно оправданный подход заслуживает поддержки. Более того, хотелось бы увидеть это интересное исследование в переводе на русский язык. К сожалению, былой статус французского языка в России и других постсоветских странах в значительной степени утрачен (в отличие от XIX в., когда для многих интеллектуалов он фактически был вторым

родным языком). Мне представляется, что перевод позволил бы сделать более доступным не только для российских читателей, но и для славистов разных стран новейший и, несомненно, качественный обзор истории Смоленского княжества, созданный Ф. Мушаром.

1 – См. об этом: А.А. Горский, *Русь: от славянского Расселения до Московского царства*, М., 2004, С. 148-154 (с указанием предшествующей литературы вопроса).

2 – С.В. Полехов, «Смоленское восстание 1440 г.», *Исторический вестник*, 2014, Т. 7 (154), С. 160-197.

3 – А.Н. Насонов, *История русского летописания. XI – XVIII века: Очерки и исследования*, М., 1969, С. 276-294.

4 – Насонов, *История русского летописания*, С. 210-225.

5 – Б.М. Клосс, «Русские источники I-VI книг *Анналов Длугоша*» in Н.И. Щавелева, *Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I – VI): Текст, перевод, комментарий* / под редакцией и с дополнениями А.В. Назаренко, М., 2004, С. 34-52.

6 – См. подробнее: Насонов, *История русского летописания*, С. 80-111.

7 – Назаренко А.В., «Авраамий Смоленский», *Православная энциклопедия*, М., 2000, Т. I, С. 178-179; М.В. Печников, «Дело Авраамия Смоленского: За что был гоним праведник?», *Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г. Проблемы источниковедения*, М., 2003, С. 346-359; Е.Л. Коняевская «Ефрем», *Православная энциклопедия*, М., 2008, Т. XIX, С. 48-49.

8 – С.М. Михеев, *Княжеские печати с тамгами и атрибуция знаков Рюриковичей XI-XII вв.* (в печати).

9 – *Слово о полку Игореве* / под ред. В.П. Адриановой-Перетц, М.-Л., 1950, С. 22. Автор по непонятным причинам не анализирует эту яркую характеристику. Следует ли думать, что он разделяет позицию скептиков по отношению к «Слову»?

10 – ПСРЛ, Т. III, С. 38.

11 – Полехов, «Смоленское восстание 1440 г.»

12 – П.В. Петрухин «К вопросу о языке Смоленской договорной грамоты 1229 г.» *От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия чл.-корр. РАН А.В. Бондарко*, М., 2012, С. 477-488; P. Petrukhin «War der deutsch-russische Vertrag von 1229 das erste Dokument in mittelniederdeutscher Sprache?» *Niederdeutsches Jahrbuch*, № 136 (2013), S. 7-19.

13 – Горский, *Русь*, С. 206-209, 229-230.

14 – С.В. Полехов, «Привилеи великих князей литовских Смоленской земле (середина XV – начало XVI в.)», *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2015, № 1, С. 115-140.

15 – L. Febvre, « Sur une forme d'histoire qui n'est pas la nôtre », *Annales. Économies. Sociétés. Civilisations*, 1948, Vol. 3, № 1, P. 21-24.

Pavel V. Lukin

*Institut d'histoire de Russie,
Académie des sciences de Russie*